

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ХОЛСТОН

Холстон поднимался навстречу смерти, а дети играли, радостно вереща, как это бывает только у счастливых детей. Пока они неистово топали наверх, Холстон не торопился — шагая устало и методично; он одолевал винтовую лестницу виток за витком, постукивая каблуками по металлическим ступеням.

Эта лестница, как и его доставшиеся от отца ботинки, заметно обветшала. Хрупкие чешуйки краски сохранились лишь по углам ступеней и снизу, в остальных же местах лежала пыль, поднимавшаяся облачками при каждом шаге. Вытертые до металлического блеска перила дрожали. Холстона всегда поражало, насколько за столетия ладони и шаркающие ноги способны выгладить твердую сталь. Наверное, молекулу за молекулой. Каждая прожитая здесь жизнь стирала тоненький слой, а укрытие постепенно стирало и саму эту жизнь.

Ступени прогнулись, их края округлились, став похожими на надутые губы. В середине почти не осталось ромбиков, когда-то не позволявших подошвам скользить. Лишь по краям сохранились фрагменты рисунка — маленькие выступы на гладкой стали, с четкими гранями и пятнами краски.

Опустив старый ботинок на старую ступеньку, Холстон сделал очередной шаг. Он думал о бесчисленных годах, сталкивающихся молекулы и жизни, стирающих их слой за слоем в тончайшую пыль. Далеко не в первый раз и эта лестница, и вся эта жизнь показались ему какими-то неправильными. Стены вокруг длинной спирали, уходящей вглубь укрытия, наподобие соломинки в стакане, строились совсем для других целей. Как и прочее в этом цилиндрическом доме, лестница соз-

давалась для иного, давно забытого предназначения. Сейчас она являлась главной артерией укрытия, и тысячи людей ежедневно двигались по ней вверх и вниз по своим делам, но, по мнению Холстона, лестница больше подходила для того, чтобы ею пользовались только в аварийных ситуациях и, пожалуй, какие-то считанные десятки людей.

Очередной ярус остался позади — сектора жилых помещений. Пока Холстон преодолевал несколько верхних этажей, совершая свое последнее восхождение, восторженные детские крики становились громче. Это был смех молодости, смех юных душ, еще не осознавших, где они живут, не ощутивших давление земли со всех сторон и совершенно не понимающих, что они похоронены. Бодрые и свежие, крики ребятишек наполняли лестничный колодец весельем, и этот щебет совершенно не сочетался с тем, что делал Холстон, с его решимостью выйти наружу.

Когда он приблизился к самому верхнему этажу, из хора детских голосов выделился один, и Холстон вспомнил свое прошлое в укрытии детство — и школу, и игры. Тогда душный бетонный цилиндр, с бесконечными этажами жилых помещений, мастерских, гидропонных садов и залов регенерации с паутиной труб, представлялся ему огромной вселенной, просторы которой невозможно исследовать до конца, лабиринтом, где он с приятелями мог бы затеряться навсегда.

Но от тех времен его отделяло более тридцати лет. Сейчас Холстону казалось, что детство было очень давно — две или три жизни назад, и радовался этому детству кто-то другой. Не он. А на него давила целая жизнь, проведенная в должности шерифа, жизнь, отсекающая прошлое. Был еще и третий, тайный этап помимо детства и работы. Три года молчаливого ожидания того, что никогда не наступит, когда каждый день тянулся дольше любого из прежних, более счастливых месяцев.

Холстон взошел на вершину винтовой лестницы, и его рука соскользнула с перил. Здесь находились самые просторные помещения укрытия: кафетерий и прилегающий к нему зал. Теперь крики детей звучали совсем близко. Малышня в яркой одежде носилась между разбросанными стульями, играя в салки. Несколько взрослых пытались поддерживать хоть

какой-то порядок. Холстон увидел Донну, собирающую раскиданные по кафельному полу мелки и восковые карандаши. Ее муж Кларк сидел за столом, заставленным чашками с соком и мисками с печеньем из кукурузной муки. Он помахал Холстону через комнату.

Но тому даже не пришло в голову поздороваться в ответ — на подобное у него не осталось ни сил, ни желания. Он посмотрел мимо взрослых и детей на размытое изображение, проецируемое на стену кафетерия. Это был самый масштабный вид негостеприимного мира снаружи. Утро. Тусклый свет омывал безжизненные холмы, почти не изменившиеся со времен детства Холстона. Они находились на одном и том же месте, пока он из ребенка, играющего между столами кафетерия, превращался в опустошенное существо, каким являлся сейчас. А за величаво перекатывающимися гребнями холмов уже слабо мерцали в утренних лучах знакомые верхушки городских развалин на горизонте. Древние конструкции из стекла и бетона стояли там, где, как считалось, когда-то жили люди.

Ребенок, стремительно вылетевший из группы, ткнулся в колени Холстона. Тот посмотрел вниз и протянул руку к малышу — сыну Сьюзен, — но ребенок уже кометой умчался обратно, к остальным.

Холстону вспомнилось, как они с Эллисон выиграли в лотерею в год ее смерти. Он все еще хранил счастливый билет и везде носил его с собой. Один из этих малышей мог оказаться их ребенком — сейчас ему было бы около двух лет и он бегал бы за старшими детьми. Как и все потенциальные родители, они мечтали о двойной удаче — близнецах. Конечно же, они пытались. Когда Эллисон удалили имплантат, они проводили одну потрясающую ночь за другой, стараясь не упустить свой шанс. Другие родители желали им удачи, а пары, которые тоже надеялись на выигрыш, втайне молились, чтобы отпущенный Холстону и Эллисон год прошел впустую.

Зная, что у них есть один только год, они ударились в суеверия, стремясь использовать все. Что они только не делали: вешали над кроватью чеснок, якобы повышающий плодовитость, клали под матрас две монетки, чтобы родились близнецы, повязывали в волосы Эллисон розовую ленточку, рисова-

ли синяк под глазом Холстона. Все это казалось и забавным, и отчаянным, и нелепым. Но еще глупее было бы не испытывать все, оставить хоть одну дурацкую приметку непроверенной.

Однако мечта так и не осуществилась. Отведенный им год еще не закончился, а шанс уже перешел к другой семейной паре. И причиной стало не то, что они прекратили попытки, — им просто не хватило времени. Холстон внезапно остался без жены.

Он отвернулся от играющих детей и размытого изображения на стене и направился к своему кабинету, расположенному между кафе и наружным шлюзом. Пока Холстон шел, его мысли вернулись к борьбе, когда-то здесь происходившей. К воспоминаниям, ежедневно терзавшим его на протяжении последних трех лет, когда он проходил по этому пути. И он знал, что если обернется и посмотрит на постепенно мутнеющую проекцию на стене, если проследует взглядом вдоль темной полоски, тянущейся к вершине холма и дальше, к разрушенному городу на горизонте, то сможет различить неподвижную фигуру. На том холме он увидит свою жену, лежащую ничком, уткнувшись в согнутые руки, словно спящий, изъеденный токсичным воздухом валун.

Вполне вероятно, что увидит.

Ее нелегко было разглядеть и прежде, когда линзы камер только начали в очередной раз мутнеть. Кроме того, этому изображению нельзя было полностью доверять, многое в нем вызывало сомнения. Поэтому Холстон просто решил не смотреть. Он миновал это место, где навсегда поселились дурные воспоминания: где его жена сражалась с призраками и ее настигло внезапное безумие, — и вошел в свой кабинет.

— Ого, посмотрите-ка, кто поднялся в такую рань, — сказал Марнс, улыбаясь.

Помощник шерифа задвинул металлический ящик в скрипучем от старости шкафу для документов, взял исходящую паром кружку и только тогда заметил, насколько серьезен Холстон.

— Вы себя нормально чувствуете, босс?

Холстон кивнул и, указав на доску с ключами позади стола Марнса, попросил:

— Ключ от камеры.

Улыбка помощника погасла, он недоуменно нахмурился. Поставив кружку, он повернулся, чтобы снять ключ. Пока Марнс стоял к нему спиной, Холстон в последний раз погладил прохладную сталь и положил остроконечную звезду шерифа на стол. Марнс протянул ключ, Холстон взял его.

— Тряпку прихватить?

Марнс указал на стену кафетерия. Если в камере не сидел кто-то в наручниках, туда входили только для уборки.

— Нет, — ответил Холстон и кивнул в сторону камеры, приглашая помощника следовать за ним.

Он повернулся. Стул за спиной скрипнул, когда Марнс встал, чтобы присоединиться к шерифу. Холстон приблизился к камере. Ключ легко вошел в замок. Послышался резкий щелчок качественного, исправного механизма. Едва слышно пискнули дверные петли. Решительный шаг вперед, стук захлопнувшейся позади двери — и испытание завершилось.

— Босс?

Холстон просунул ключ между прутьев решетки. Марнс неуверенно посмотрел на него, но все же взял.

— Что происходит, босс?

— Вызови мэра. — Холстон выдохнул. Этот тяжелый выдох он сдерживал три года. — Скажи ей, что я хочу выйти.

Здесь, за решеткой, вид наружу был не настолько нечетким, как в кафе, и Холстон провел свой последний день в укрытии, гадая о причине этого. Возможно, камера, передающая изображение, на этой стороне была лучше защищена от порывов ядовитого ветра? Или каждый приговоренный к смерти чистильщик прилагал больше усилий для сохранения вида, которым любовались напоследок? Может, старался порадовать следующего чистильщика?

Холстон предпочел последнее объяснение. Оно заставляло его думать о жене. Напоминало, почему он очутился здесь, по эту сторону решетки, — и по собственной воле.

Размышляя об Эллисон, он сидел и разглядывал мертвый мир снаружи, который оставили после себя древние люди. Это был не лучший вид на ландшафт вокруг укрытия, но и не худший. Низкие пологие холмы вдалеке имели красивый коричневый оттенок, как у крепкого кофе, в который добавили немного свиного молока. Небо над ними было таким же тускло-серым, как и во времена детства Холстона, а также детства его отца и деда. В этом пейзаже двигались только облака. Пухлые и темные, они висели над холмами или бродили над ними, как стадные животные из детских книжек с картинками.

Вид на мертвый мир заполнял всю стену камеры, равно как и все стены верхнего этажа укрытия, и везде демонстрировался свой фрагмент постепенно мутнеющей панорамы. Доступное Холстону изображение простиралось от угла возле койки до потолка, тянулось до другой стены и заканчивалось у туалета. Несмотря на легкую смазанность — как будто линзы протерли маслом, — казалось, что это сцена, на которую

можно выйти, зияющая и манящая дыра, странным образом расположенная напротив злобещей тюремной решетки.

Однако эта иллюзия выглядела убедительно только на расстоянии. Вблизи Холстон мог различить на большом дисплее несколько мертвых пикселей. Они выделялись резкой белизной на фоне коричневого и серого. Светясь с безжалостной интенсивностью, каждый такой пиксель (Эллисон называла их «битыми») напоминал квадратное окошко в какое-то более яркое место, дырочку толщиной с человеческий волос, манящую в иную, лучшую реальность. Приглядевшись, можно было заметить десятки таких дырочек. Холстон задумался: а знает ли кто-нибудь в укрытии, как восстановить эти пиксели? И есть ли здесь инструменты, необходимые для столь деликатной работы? Мертвы ли они навсегда, как Эллисон? И не умрут ли со временем все остальные пиксели? Холстон представил день, когда половина пикселей станет ослепительно-белой, затем, через несколько поколений, останутся лишь десятки серых и коричневых, потом всего дюжина, и мир перейдет в новое состояние — люди в укрытии будут думать, что мир снаружи охвачен пламенем, а немногие нормальные пиксели ошибочно считать неисправными.

А вдруг именно это Холстон и все остальные делают уже сейчас?

Кто-то кашлянул за спиной. Холстон обернулся и увидел по другую сторону решетки мэра Джанс. Она стояла, сунув руки в карманы комбинезона.

Джанс кивнула в сторону койки:

— Если камера пустовала, то по ночам, когда вы с Марнсом уходили, я иногда сидела там и любовалась этим видом.

Холстон снова повернулся и обвел взглядом грязный безжизненный ландшафт. Он выглядел угнетающе, особенно если сравнивать с картинками в детских книжках — единственными книгах, уцелевших после восстания. Очень многие сомневались насчет достоверности цветов на их страницах, равно как сомневались в существовании фиолетовых слонов и розовых птиц, но Холстон подозревал, что те изображения были более правдивы, чем сцена перед ним. Он, как и некоторые другие, ощущал нечто изначальное и глубокое, разглядывая потрепанные страницы, щедро залитые зеленью и голубизной.

Но по сравнению с внутренностью укрытия даже этот грязно-серый пейзаж казался спасением — глотком свежего воздуха, которым люди рождены дышать.

— Здесь он всегда кажется немного яснее, — заметила Джанс, — этот вид.

Холстон промолчал. Он наблюдал, как от облака отделился клочок и поплыл в сторону.

— Ты можешь заказать обед на свой выбор, — проговорила мэр. — Это традиция...

— Не нужно мне рассказывать о традициях, — прервал ее Холстон. — Каких-то три года назад я принес Эллисон ее последний обед в эту камеру. — Он по привычке потянулся покрутить на пальце медное кольцо, забыв, что оставил его на комодe несколько часов назад.

— Даже не верится, что прошло столько времени, — пробормотала Джанс.

Повернувшись, Холстон увидел, как она, прищурившись, рассматривает облака на стене.

— Ты по ней соскучилась? — язвительно поинтересовался он. — Или тебе просто не нравится, что грязь на линзах копилась так долго?

Бросив на Холстона быстрый взгляд, Джанс уставилась в пол.

— Ты же знаешь, что я этого не хотела — ради какого угодно вида. Но правила есть правила...

— Я тебя не виню, — сказал Холстон, пытаясь сдержать гнев. — Я знаю правила лучше многих. — Его рука дернулась было к груди, к отсутствующей звезде шерифа, оставленной по ту сторону решетки, как и кольцо. — Черт побери, да я большую часть жизни заставлял людей соблюдать эти правила! Даже когда понял, что они — чушь.

Джанс кашлянула.

— Хорошо, я не стану спрашивать, почему ты сделал такой выбор. Просто предположу, что здесь ты будешь несчастлив.

Их взгляды встретились, и, прежде чем она моргнула, Холстон успел заметить, как в ее глазах блеснули слезы. Джанс казалась более худой, чем обычно, а в этом просторном комбинезоне смотрелась и вовсе комично. Морщины на шее и в уголках

глаз стали глубже, чем он помнил. Темнее. А еще он подумал, что ее голос звучит хрипловато из-за искреннего сожаления, а не из-за возраста или курения.

Холстон вдруг увидел себя глазами Джанс: сломленный мужчина, сидящий на потертой койке, кожа кажется серой в бледном свете мертвого мира снаружи. У Холстона закружилась голова, он принялся искать нечто рациональное, за что можно ухватиться, нечто осмысленное. То досадное недоумение, в которое превратилась его жизнь, было больше похоже на сон. Ни один год из последних трех не казался ему настоящим. Ничто больше не казалось настоящим.

Холстон снова повернулся к желтовато-коричневым холмам. Ему почудилось, что умер очередной пиксель, став ослепительно-белым. Открылось еще одно крохотное окошко, разрушающее иллюзию, в которой он усомнился.

«Завтра я обрету спасение, — со злостью подумал Холстон, — даже если это означает смерть».

— Я пробыла мэром слишком долго, — сказала Джанс.

Холстон обернулся и увидел, что она обхватила морщинистыми руками холодные стальные прутья.

— Ты ведь знаешь, архивные записи ведутся не с самого начала. Нам ничего не известно о том, что было до восстания полтора столетия назад, но с тех пор ни один мэр не послал на очистку больше людей, чем это сделала я.

— Ты уж извини, что создаю тебе проблемы, — сухо произнес Холстон.

— Я не получаю от этого удовольствия. И это все, что я хотела сказать. Совершенно никакого удовольствия.

Холстон махнул в сторону огромного экрана:

— Но ты первая придешь сюда завтра вечером полюбоваться на ясный закат, не так ли? — Ему очень не понравился собственный тон. Он злился не из-за собственной жизни, или смерти, или того, что с ним случится послезавтра, у него вызвала негодование судьба Эллисон, и Холстон так и не смог избавиться от этого чувства. Для него неотвратимые события прошлого все еще казались чем-то, чего можно было избежать. — Вам всем понравится завтрашний вид, — сказал он больше себе, чем мэру.

— Ты несправедлив, — возразила Джанс. — Закон есть закон. Ты его нарушил. И знал, что нарушаешь.

Холстон уставился в пол. Они надолго замолчали. Через какое-то время мэр снова заговорила:

— Ты пока еще не грозился, что не станешь ничего делать. Люди нервничают, что ты можешь не произвести очистку, потому что не заявлял, что не станешь.

Холстон рассмеялся:

— Им полегчает, если я скажу, что не стану чистить датчики и линзы?

Осознавая всю нелогичность ситуации, он покачал головой.

— Каждый, кто здесь сидел, говорил, что ничего не будет делать, — пояснила Джанс, — но все равно делал. И все привыкли к таким заявлениям...

— Эллисон ничего подобного не говорила, — напомнил Холстон.

Но он знал, что имеет в виду Джанс. Он сам думал, что Эллисон не будет протирать линзы. И теперь ему показалось, будто он понял, через что она прошла, сидя на этой самой койке. Есть более важные темы для размышлений, чем чистить или не чистить. Большинство высланных наружу были нарушителями закона, не ожидавшими очутиться в этой камере, где через несколько часов должна была решиться их судьба. И когда они заявляли, что ничего не станут делать, то думали о мести. Однако Эллисон, а теперь и Холстона тревожили более серьезные проблемы. На их фоне дилемма «чистить или не чистить» выглядела сущей мелочью — они оба попали сюда потому, что ими овладело какое-то безумное желание оказаться именно здесь. Их мучило любопытство, стремление увидеть внешний мир без вуали экранов.

— Так ты собираешься чистить или нет? — спросила Джанс напрямую и с явным отчаянием.

— Ты сама сказала. — Холстон пожал плечами. — Линзы чистят все. На то должна иметься какая-то причина, верно?

Он делал вид, будто его это не волнует и ему совершенно не интересно, *почему* люди чистят линзы, но большую часть жизни, и особенно последние три года, он провел в мучитель-

ных размышлениях о причине такого поведения. Вопрос сводил его с ума. И если, отказавшись ответить Джанс, он причинит боль тем, кто убил его жену, это его не очень-то огорчит.

Озабоченная, Джанс провела руками по прутьям решетки.

— Так могу я сказать всем, что ты это сделаешь?

— Или скажи, что не сделаю. Мне все равно. Похоже, для них сойдет любой ответ.

Джанс промолчала. Холстон посмотрел на нее, и мэр кивнула:

— Если передумаешь насчет еды, скажи помощнику Марнсу. Он будет дежурить здесь всю ночь по традиции...

Зря она это сказала. Когда Холстон вспомнил об этой своей прежней обязанности, у него выступили слезы. Он был шерифом и двенадцать лет назад, когда Донну Паркинс отправили на очистку, и восемь лет назад, когда пришло время Джека Brenta. И он же, превратившись в жалкую развалину, пролежал на полу всю ночь, вцепившись в решетку, когда три года назад настал черед его жены.

Мэр повернулась, собравшись уйти.

— Шериф, — пробормотал Холстон, пока она еще не отошла далеко.

— Что? — Джанс задержалась возле решетки, нахмутив седые кустистые брови.

— Он теперь шериф Марнс, — напомнил Холстон, — а не помощник.

Джанс постучала по стальному пруту костяшками пальцев.

— Поешь чего-нибудь, — сказала она. — И я думаю, что не обижу тебя, посоветовав немного поспать.

Тремя годами ранее

— Да это, наверное, шутка! — воскликнула Эллисон. — Дорогой, послушай. Ты не поверишь. Ты знал, что восстаний было несколько?

Холстон оторвал взгляд от раскрытой на коленях папки. Кровать вокруг него устилал ковер из бумаг — бесчисленных старых папок, которые предстояло рассортировать, и новых жалоб, с которыми следовало разобраться. В изножье кровати за столиком расположилась Эллисон. Они жили вдвоем в одной из тех квартир укрытия, которые за прошедшие десятилетия делили перегородками лишь дважды. Поэтому в ней хватало места для предметов роскоши — стола и широкой кровати вместо обычных коек.

— И откуда бы я про это узнал? — осведомился Холстон. Жена повернулась и заправила за ухо прядку волос. Он ткнул папкой в сторону ее компьютера. — Ты целыми днями раскрываешь тайны столетней давности, и мне полагается знать о них вперед тебя?

Она показала ему язык:

— Это просто такое выражение. Мой способ сообщить тебе информацию. И почему я не вижу твоего любопытства? Ты вообще слышал, что я только что сказала?

Холстон пожал плечами:

— Я никогда не стал бы предполагать, что единственное известное нам восстание было первым, — просто оно было самым недавним. Если я что и усвоил на работе, так это то, что никакое преступление не оригинально. — Он взял лежащую рядом папку. — Думаешь, вот он был первым в истории бун-

кера человеком, укравшим воду? Или что он окажется последним?

Эллисон повернулась к нему, скрипнув стулом. Монитор на ее столе отображал фрагменты данных, которые она восстанавливала со старых серверов, — остатки информации, давным-давно стертой и перезаписанной. Холстон не понимал, как проходит процесс восстановления и почему женщина, достаточно умная, чтобы в этом разбираться, настолько глупа, чтобы любить человека вроде него, но принимал оба факта как истину.

— Я восстанавливаю по кусочкам несколько старых отчетов, — сказала она. — Если они правдивые, то получается, что события наподобие известного нам восстания происходили регулярно. Примерно раз в поколение или около того.

— Мы многого не знаем о прежних временах. — Холстон потер глаза и подумал о предстоящей бумажной работе. — Знаешь, возможно, у них не было системы очистки линз и датчиков? Готов поспорить, что в те времена вид наверху становился все более мутным, пока люди не начинали сходить с ума, и тогда вспыхивало восстание. А потом в конце концов изгоняли несколько человек, чтобы они привели все в порядок. А может, это был всего лишь естественный контроль рождаемости... ну, еще до лотереи.

Эллисон покачала головой:

— Вряд ли. Я начинаю думать... — Она смолкла и посмотрела на россыпь бумаг вокруг Холстона. Похоже, вид этих документированных проступков заставил ее тщательно подбирать слова. — Я никого не осуждаю, не утверждаю, что кто-то был прав, а кто-то не прав. Я лишь предполагаю, что информацию на серверах, возможно, стерли не бунтовщики во время восстания. Во всяком случае, произошло это не так, как нам всегда говорили.

Ее последние слова привлекли внимание Холстона. Загадка стертых серверов, это опустевшее прошлое, не давала покоя всем обитателям укрытия. Об уничтожении информации ходили разные легенды. Холстон закрыл папку, с которой работал, и отложил ее.

— Как думаешь, в чем была причина? — спросил он и перечислил распространенные предположения: — Это произошло случайно? Из-за пожара или перебоя в электропитании?

Эллисон нахмурилась:

— Нет. — Она понизила голос и настороженно огляделась. — Я думаю, что это мы стерли жесткие диски. В смысле, наши предки, а не бунтовщики. — Повернувшись, она приблизилась к монитору и провела пальцем по колонке цифр, которые Холстон не мог разглядеть с кровати. — Двадцать лет. Восемнадцать. Двадцать четыре. — Палец скользнул ниже по экрану. — Двадцать восемь. Шестнадцать. Пятнадцать.

Холстон проложил себе дорожку через бумаги, складывая папки в стопки. Добравшись до стола, он устроился в изножье кровати, обнял жену и взглянул поверх ее плеча на экран.

— Это даты? — спросил он.

Она кивнула:

— Примерно каждые двадцать лет начиналось крупное восстание. Тут, в отчете, они все перечислены. Это один из файлов, стертых во время последнего восстания. *Нашего* восстания.

Эллисон произнесла «нашего» так, как будто они или кто-то из их друзей жил в то время. Но Холстон понял, что она имела в виду. Это было восстание, в тени которого они выросли и в каком-то смысле породившее их. Великий конфликт, нависавший над их детством, над их родителями и дедами. Восстание, о котором перешептывались, с опаской поглядывая по сторонам.

— И почему ты решила, что это были мы? Что именно хорошие парни стерли все данные на серверах?

Она обернулась и мрачно улыbnулась:

— А кто сказал, что мы хорошие парни?

Холстон напрягся и убрал руку с плеча Эллисон:

— Не начинай. Не говори ничего такого, что может...

— Я пошутила, — сказала она, но на такие темы не шутили. От таких слов было всего два шага до предательства. До очистки. — Моя гипотеза такова, — быстро продолжила Эллисон, выделив слово «гипотеза». — Восстания вспыхивали

раз в поколение, верно? На протяжении ста лет, а то и дольше. Будто часовой механизм. — Она указала на даты. — Но потом, во время большого восстания — единственного, о котором мы до сих пор знали, — кто-то стер все с серверов. А это, чтобы ты знал, вовсе не так легко, как нажать пару кнопок или развести огонь. Там и несколько уровней защиты, и резервные копии, у которых есть свои резервные копии. Для такого необходимы согласованные действия, а не случайный сбой, или что-либо предпринятое наспех, или просто саботаж...

— Но твои факты не говорят о том, кто это сделал, — отметил Холстон.

Жена, несомненно, была чародейкой в плане обращения с компьютерами, но никак не сыщиком. В этом он разбирался куда лучше нее.

— Зато они говорят о другом. О том, что все минувшие годы раз в поколение случались восстания, но с момента последнего не было ни одного.

Эллисон прикусила губу.

Холстон выпрямился. Обвел взглядом комнату и помолчал, обдумывая ее слова. Ему вдруг представилось, как жена отбирает у него звезду шерифа и уходит.

— Так ты хочешь сказать... — Он поскреб подбородок и снова задумался. — По-твоему, выходит, что кто-то стер всю нашу историю, чтобы не дать нам ее повторить?

— Или еще хуже. — Эллисон взяла его за руку. Ее серьезное лицо стало еще более мрачным. — А что, если причина восстаний как раз и находилась на тех жестких дисках? Что, если какая-то часть нашей истории, или какая-то информация извне, или, может, какое-то знание создавали давление, заставляющее людей сходить с ума, совершать безумства, или просто вызывали желание выйти наружу?

Холстон покачал головой.

— Я не хочу, чтобы ты думала о подобном, — предупредил он.

— Я не утверждаю, что так оно и было, — ответила она, вновь став осторожной. — Но, судя по картине, которую я на сегодня сложила из кусочков, это вполне годится в качестве гипотезы.